ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СУДЬБЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

УДК 93/94

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/65-74

Н.А. Троицкая*

КОМИССАР ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ДОКУМЕНТАМИ

Статья содержит обзор документов фонда комиссара Временного правительства по делам Дальнего Востока, хранящегося в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (г. Владивосток). Доступ к документам фонда был длительное время ограничен, что препятствовало их использованию в исследованиях. Сохранившаяся деловая переписка представителя Временного правительства с центром и местными органами власти позволила восстановить ход революционных преобразований 1917 г. в отдаленном регионе Российской империи, а также определить реальные права и возможности комиссара, как организатора работы по созданию нового аппарата управления территорией. На основе анализа содержания документов пересматривается оценка личности и роли комиссара А.Н. Русанова.

Ключевые слова: архивные документы, Дальний Восток, революция 1917 г., Временное правительство, комиссар, А.Н. Русанов

The commissar of the Provisional Government in the Russian Far East: reflections on the archival documents. NATALIA A. TROITSKAYA (Russian State Historical Archives of the Far East)

The article presents an overview of the archival documents from the funds of the Provisional Government's Commissar in the Russian Far East (Russian State Historical Archives of the Far East, Vladivostok), the access to which had long been restricted for researchers. The business correspondence of A.N. Rusanov with the center and local authorities made it possible to outline the rights and possibilities of the commissar and to reconstruct the course of the revolutionary reforms of 1917 in a remote region of the Russian Empire. Based on the analysis of the archival documents, the author revises the evaluation of Rusanov's personality and his role in the revolutionary events.

Keywords: archival documents, Russian Far East, Revolution of 1917, Provisional Government, commissar, A.N. Rusanov

История революции 1917 г. и установления Советской власти на Дальнем Востоке – традиционная тема в советской региональной исто-

риографии, проработанная школой, созданной академиком А.И. Крушановым [13]. В то же время история первой половины 1917 года оста-

* ТРОИЦКАЯ Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

E-mail: rgiadv@vladivostok.ru

© Троицкая Н.А., 2017

валась в рамках историко-партийного шаблона: скупые факты местной жизни лишь иллюстрировали отдельные положения.

Глобальные изменения, произошедшие в стране за последнюю четверть века, позволяют освободиться от стереотипов и схематизма, без политического давления взглянуть на реальные факты и попытаться глубже понять прошлое. Необходимость пересмотра подходов к изучению революции была озвучена в 1997 г. на научной конференции в пленарном докладе доктора исторических наук, профессора Дальневосточного государственного университета Э.В. Ермаковой, которая отметила односторонность подхода к истории Февральской революции и бедность введенной в научный оборот источниковой базы, главным образом, материалов периодической печати [5, с. 116]. Участники конференции признали необходимым пересмотреть трактовки некоторых событий и явлений. Быстрым ответом на этот вызов стала монография Т.Я. Иконниковой, посвященная событиям на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны, включая 1917 – начало 1918 гг. Отдельная глава книги посвящена политическим событиям 1917 – начала 1918 гг. в центре страны и отношению к ним в Приамурском крае [8, с. 315-324].

За прошедшие годы наметилась тенденция к появлению интересных работ дальневосточных историков, посвященных сложнейшему периоду отечественной истории. Однако развернувшаяся юбилейная кампания показала, что в обществе по-прежнему отсутствует представление о реальных событиях, о том, чем и как жили примерно миллион наших соотечественников на далекой приграничной территории. Анализ учетных документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ) показывает слабое проявление интереса к выявлению источников, что лишает надежды на скорое появление объективных, политически не ангажированных исследований. Убежденность во всемогуществе Интернета в данном случае ошибочна, если не сказать вредна. Необходима кропотливая работа по сбору и анализу фактического материала из источников разных видов и происхождения. Завершение эпопеи по перемещению крупнейшего хранилища документов по истории Дальнего Востока в г. Владивосток дает возможность еще раз взглянуть на события столетней давности «глазами» управленческих структур и, возможно, найти ответы на некоторые волнующие нас сегодня вопросы.

Наряду с другими, в РГИА ДВ сохранился фонд «Комиссара Временного Правительства по делам Дальнего Востока» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644.). Учитывая стремительность развития революционных событий, в нем главным образом представлена телеграфная переписка. Сложная история формирования фонда и ограничение доступа к нему до конца 1980-х гг. препятствовали работе исследователей. В настоящее время документы фонда позволяют увидеть повседневную деятельность комиссара, понять его функции, оценить роль и возможности в управлении регионом. В этом и состоит цель данной работы, актуальность темы которой подтверждает публикация статьи исследователя П.Н. Гордеева в одном из последних номеров ведущего исторического журнала России [3].

Как известно, 2 марта 1917 г.¹ управление страной взяло на себя Временное правительство. До созыва Учредительного собрания, которому предстояло избрать новую демократическую власть на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, российской государственности требовались определенная система органов управления на местах и люди, способные взять на себя руководящие функции. Как писала в марте 1917 г. газета «Известия», «нужны органы власти, которые были бы готовы пойти навстречу новым условиям жизни». И они появились в результате народной, в широком смысле слова, инициативы. Организованная общественность на местах, не дожидаясь распоряжений из центра, создавала советы, всевозможные комитеты безопасности, профессиональные союзы, нацеленные, прежде всего, на сохранение порядка [21, с. 336-341]. В то же время на местах продолжали действовать ведомственные структуры имперского периода (казенные и акцизные палаты, горное, водное управления, государственных имуществ и т.п.). Наблюдать за этой деятельностью и направлять ее должны были специальные ставленники Временного правительства – комиссары. Товарищ министра внутренних дел С.М. Леонтьев назвал их «органами надзора за законностью действий местного самоуправления» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 251).

Комиссары должны были оперативно информировать центр о положении дел на местах, способствовать предотвращению беспорядков, анархии, сохранению безопасности, а также регулировать деятельность стихийно возникавших общественных органов самоуправления и

¹ В статье все даты 1917 г. даны по старому стилю

сохранившихся управленческих структур. В целом, суть их функций лучше всего может быть обозначена термином «попечительство» или надзор и обеспечение «правильного партийного курса».

Естественно, что власти необходимы были опытные и авторитетные кадры. Дальний Восток, как и любой другой регион, предъявлял свои требования к носителям власти: полномочия власти в этом крае должны быть велики, а осведомленность как можно шире. Выбор пал на члена IV-й Государственной Думы Александра Николаевича Русанова. В начале марта он был назначен комиссаром Временного правительства по делам Дальнего Востока. В литературе встречаются две даты назначения: 8 и 9 марта 1917 г., связываемые с учреждением Временным правительством Комитета по управлению Сибирью [9, с. 318]. Однако, судя по поздравительной телеграмме из Николаевска на Амуре от 6 марта, назначение состоялось несколько раньше (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 46. Л. 14-15). Позднее, в одной из депеш в министерство внутренних дел, Русанов писал: «В начале марта, на совещании сибирских депутатов, сибирских комиссаров под председательством Щепкина мне даны полномочия «по выяснению всех вопросов, связанных с настоящим положением края и принятию необходимых, в зависимости от местных условий, мер для устройства управления на новых началах» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 348-349). Так определил функции дальневосточного правительственного комиссара непосредственно министр – председатель князь Г.Е. Львов. Главной же задачей посланника Временного правительства было обеспечение в регионе порядка и спокойствия. К месту назначения в г. Хабаровск комиссар добирался по КВЖД более 10 дней. О дате прибытия – 25 марта – сам Русанов сообщил телеграммой в министерство внутренних дел (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 24. Л. 20). По пути следования посланник правительства выступал на стихийных митингах на станциях, из-за чего чуть не лишился голоса. Говорить учитель-депутат А.Н. Русанов умел, не случайно современники называли его «Керенским в дальневосточном масштабе» [2, с. 33]. Правда, возникает вопрос, насколько хорошо жители края знали в то время Александра Федоровича, чтобы сделать такое сравнение? В дороге правительственный комиссар получал телеграммы от дальневосточников: и с поздравлениями и приветствиями, и с заботами и проблемами.

Чем ближе был Приамурский край, тем больше было ожиданий у населения, встречавшего комиссара, как знающего, справедливого, заботливого руководителя, способного дать «руководственные указания» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 2). Толпы встречающих Александра Николаевича в Хабаровске были так велики, что не все желающие смогли даже приблизиться к новому руководителю, «затерлись в толпе», как об этом позднее скромно сообщили члены делегации Хабаровского китайского общества взаимного вспомоществования (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 71).

Трудно судить об искренности отношения населения лично к А.Н. Русанову. Предположим, что приветствовали именно «комиссара Временного Правительства» – представителя и носителя нового справедливого управления. Однако бесспорно, что и личность Александра Николаевича заслуживала уважения. К сожалению, в документах фонда биографический материал практически отсутствует, а в историографии А.Н. Русанову внимания уделено немного. При этом в предлагаемых исследователями фрагментах жизнеописаний «комиссар» закрыл собой человека. Чаще всего упоминание фамилии и должности комиссара Временного правительства сопровождается негативными характеристиками, относящимися к деятельности правительства в целом.

Первым жизненный путь Александра Николаевича описал хабаровский краевед А.М. Жуков, чья газетная публикация стала «конспектироваться» последующими исследователями [7]. Более глубокий анализ и свою оценку деятельности комиссара Временного правительства на Дальнем Востоке предложила Т.Я. Иконникова [9, с. 22-31], однако главной ее целью было доказательство беспомощности комиссара в решении краевых проблем в 1917 г. Впрочем, в условиях информационной недостаточности при попытке восстановить образ человека трудно оставаться в рамках объективности.

Родился А.Н. Русанов 7 мая 1881 г. в Брянском уезде, в семье земского врача. Выпускник Санкт-Петербургского университета, с 1906 г. связал себя с дальневосточной окраиной, где стал работать преподавателем естественной истории в Хабаровском реальном училище. Проявил себя в общественной жизни города, будучи председателем Общества содействия народному просвещению, общественным директором краевого музея [22, с. 222]. Активность его была осознанной и вряд ли конь-

юнктурной. В октябре 1912 г. А.Н. Русанов включился в выборную кампанию в IV-ую Государственную Думу и был избран депутатом от Приморской области. В связи с этим приказом Приамурского генерал-губернатора от 1 ноября 1912 г. учитель Хабаровского реального училища коллежский асессор А.Н. Русанов был уволен в отставку (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 129а).

В Думе он вместе с другими региональными депутатами вошел в состав Сибирской парламентской группы, под руководством забайкальского депутата агронома Н.К. Волкова, А.Н. Русанов стал ее секретарем. В составе группы не было представителей правее кадетов, при этом партийно-политические пристрастия самого Русанова были не вполне определенными. Появившаяся в составе прежней Думы Сибирская группа за небольшой срок развила довольно широкую инициативную деятельность по вопросам введения земства в восточных районах страны, переселения и землеустройства казаков, крестьян и инородцев, развития экономики, в частности, рыбопромышленности, страхования рабочих, развития народного образования [19, с. 445-449]. С началом Первой мировой войны А.Н. Русанов включился в деятельность Всероссийского союза земств и городов, в организацию поддержки армии и патриотического настроения населения. Им был получен существенный опыт работы и определенный авторитет в общероссийском масштабе. Думается, именно поэтому кандидатура Русанова на роль комиссара дальневосточного региона устроила министерство внутренних дел Временного правительства.

Знакомство с документами убеждает, что первый комиссар Дальнего Востока изначально понимал невозможность в одиночку в масштабах отдельного региона справиться с породившими революцию проблемами. К выпавшей на его долю миссии он отнесся как к трудному и ответственному поручению, суть которого состояла в посредничестве между правительством и населением, в создании и налаживании совместной работы местных органов власти. Кредо А.Н. Русанова, неоднократно повторенное в его телеграммах на места, выражено предельно просто: «создавая новое, не разрушать хода жизни». Народ еще недавно стал гражданином, и понимание свободы у всех было разным. Именно поэтому необходимо соблюдение законов, даже принятых свергнутой властью, пока не будут созданы новые. «Всякий беспорядок

выгоден только врагам» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 45. Л. 7).

В литературе встречаются суждения о том, что А.Н. Русанов, будучи признанным авторитетом в регионе, обладал необъятной властью [14, с. 139]. Архив канцелярии комиссара позволяет усомниться в справедливости данного положения. В момент его назначения отсутствовали нормативно-правовые акты, определявшие полномочия комиссара. Власть только осознала необходимость их проработки. Все инструкции А.Н. Русанов получал по телеграфу, в объеме, соответствующем способу передачи: в телеграмме министерства объявлялось, что правительственный комиссар наделялся правами и обязанностями генерал-губернатора. К слову, именно так и воспринимали новую должность бывшие чиновники на местах, называя ее носителей «комиссарами по делам управления генерал-губернаторством» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 11). Однако, реальные права Приамурского генерал-губернатора были гораздо шире, чем прописано в нормативном акте (см.: [3, с. 65-73]). Поэтому по некоторым вопросам, как например, о допуске иностранного каботажа, комиссар должен был получать дополнительно разрешение от правительства (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 105-106). И главное, в отличие от предшественника, новый руководитель не имел в своем распоряжении финансов.

Ликование встречи завершилось серьезной работой, потребовавшей от руководителя большой моральной и физической силы и выдержки. Прежде всего, комиссару А.Н. Русанову нужна была поддержка надежных помощников. Ими стали известные общественные деятели Дальнего Востока журналист Николай Петрович Матвеев, врач Николай Васильевич Кириллов, учитель Семен Антонович Писаревич и др. Опорой в повседневной жизни, «машиной управления», была канцелярия комиссариата, во главе с управляющим делами. Эта роль выпала старому, «не менее 10 лет», знакомцу Русанова – помощнику бухгалтера Управления строительством Восточной Амурской железной дороги В.В. Граженскому. Он и его коллега Федор Иванович Чупряев были временно откомандированы с важного объекта, и время от времени Управление пыталось их возвратить на строительство.

Василий Владимирович Граженский (1883-1920) – художник, журналист, общественный деятель, также баллотировавшийся на выборах

в IV-ю Государственную Думу, обладал незаурядными качествами организатора, был сторонником законности и порядка. В постоянных разъездах комиссара по краю управляющий оставался его правой рукой, самостоятельно и оперативно принимал необходимые решения по второстепенным вопросам. К сожалению, ему практически не нашлось места в трудах историков революции. Биографические материалы о Василии Граженском собраны и сохранены художниками [12, с. 76-78], отметившими, что его участие в футуристическом объединении «Зеленая кошка» было своеобразным прикрытием политической деятельности [17, с. 10-12].

В состав канцелярии комиссара первоначально входили секретарь, он же заведующий изданием газеты «Приамурские известия» Б.Г. Перлин², переписчицы М.А. Перниц и Е.В. Суханова, журналист В.Д. Скорик, курьером и сторожем служил А. Одзял. Содержание всего штата в месяц практически равнялось жалованью одного чиновника особых поручений канцелярии генерал-губернатора (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 2. Л. 68об., 105об.).

Реализация поставленных перед комиссаром задач подразумевала непосредственное участие в мероприятиях, благо большинство из них проходило в Хабаровске. А.Н. Русанов присутствовал на многочисленных съездах, совещаниях и собраниях организующегося населения. Возможно, ему это доставляло удовлетворение, однако признаем и объективную необходимость публичного представительства человека, олицетворявшего новую демократическую власть. Документы свидетельствуют о бесконечных поездках комиссара по краю: Николаевск на Амуре, селения Нижнего Амура, Благовещенск, Владивосток, Иман и т.д. Чтобы разобраться в проблемах и найти решение, комиссар-учитель Русанов считал необходимым изучить вопрос непосредственно на месте, однако масштабы территории и неразвитость инфраструктуры лишали его такой возможности. К примеру, на перманентные просьбы о приезде в Анадырский уезд он ответил, что это технически невозможно и он «лишен возможности разобраться во всех деталях дел в виду отдаленности» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 45. Л. 62). В особо острых случаях Русанов взывал к такту и разумности управленцев на местах. Естественно, что при всей ответственности и добросовестности, комиссару часто не удавалось выполнить задуманное. Например, получив персональное

поручение от правительства встретить во Владивостоке американское посольство во главе с сенатором Рутом, он не сумел выбраться из глупинки. Американцев встречали и провожали на экспрессе в Петроград Приморский областной комиссар А.Ф. Милеев и представители Владивостокского городского Совета (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 146, 182).

Областной комиссар, как звено вертикали власти, появился в регионе еще до прибытия в край правительственного комиссара. 17 марта правительство назначило Приморским областным комиссаром председателя Владивостокского комитета общественной безопасности отставного полковника И.А. Ющенко, проявившего инициативу и активность в становлении новых органов власти (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 4. Л. 94; Д. 21. Л. 1). Областные (губернские) комиссары наделялись правами военных губернаторов. В других областях Дальнего Востока (Амурской, Камчатской и Сахалинской) кандидатуры еще предстояло определить, опираясь на поддержку населения. Проблема опять-таки состояла в отсутствии кадров «интеллигентных сил» и в партийно-политических противоречиях, усилившихся по мере развития революции.

В телеграмме от 14 апреля министерство внутренних дел потребовало от Русанова «скорейшей организации нормального управления»: избрания областных (губернских), уездных и волостных комиссаров. При этом предусматривалось обязательное согласование кандидатур с комитетами безопасности и утверждение Временным правительством. Однако нормативные документы – положение о местной власти – Временное правительство обнародовало только 25 сентября 1917 г. [6, с. 328]. К этому времени в регионе смогли окончательно определиться с кандидатурами областных комиссаров. Амурским был утвержден юрист Н.Г. Кожевников, Сахалинским – врач В.М. Порватов, Камчатским – агроном И.Ф. Голованов, Приморским – инженер А.Ф. Милеев.

Уездные комиссары по положению получили права крестьянских начальников, волостные – старшин. Формирование этого низшего звена шло несколько проще, кадровый голод привел к замещению должностей комиссаров чиновниками прежней администрации, учителями, купцами и предпринимателями. Особенно тяжелым положение было в северных малонаселенных районах Приморской области, к тому же большую часть года оторванных от внешнего мира. Любопытно, что комиссары не освобождались

² Затем эту должность занял Ф.И. Чупряев.

от основной деятельности, вероятнее всего, что как представители власти они не получали содержания. Вот и возникали такие противоречивые ситуации, к примеру, как назначение Гижигинским уездным комиссаром начальника радиостанции в Наяхане Ф.Т. Шатинского. Для реализации своих полномочий он должен был перебраться за 100 верст, в Гижигу, но начальник Приамурского почтово-телеграфного округа ходатайство о 2-х месячном отпуске отклонил. В результате во главе уезда остался бывший начальник В.Г. Осмоловский, а местный комитет возглавил бывший председатель Союза Михаила Архангела купец И. Адолин (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 30. Л. 31). Избрание на управленческие должности бывших чиновников способствовало расцвету произвола и мздоимства. Новыми руководителями нередко становились люди случайные, бесцеремонные и просто невежды, а главное – не признававшие революционных изменений. Естественно, это вызывало протесты населения, а следовательно и перманентную смену действующих лиц. «Выборные должны служить народному делу не за страх, а за совесть, не ради собственных выгод, а на пользу народа и по правде» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 11. Л. 324-325). Однако уже в мае министерство указывало А.Н. Русанову на то, что частая смена комиссаров неизбежно подрывает авторитет власти (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 19).

Конечно же, деятельность управленческих структур, созданных в революционном порыве (советов, исполнительных комитетов и тому подобных демократических организаций) была более результативной и реальной. Это творчество не было однозначным и прямолинейным, но оно началось сразу же после получения информации об отречении императорской династии. Во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, где были сильны городские думы, инициативой масс создавались комитеты по охране порядка, комитеты общественной безопасности, комитеты народного спокойствия, советы депутатов и т.п. [10, с. 90-91]. В этом ряду, несомненно, должен быть назван и Николаевск на Амуре, где 4 марта на городском митинге под руководством инженера П.П. Крынина был создан временный исполнительный комитет, которым были приняты «все меры к сохранению спокойного течения жизни» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 46. Л. 14-15). В состав комитета вошли представители общественных, профессиональных организаций, советов офицерских и солдатских

депутатов, рабочих и крестьянских депутатов. После пополнения его выборными представителями от всех сельских, волостных комитетов и горнорабочих комитет преобразовался в Сахалинский областной комитет.

Все общественные структуры местного управления первоначально объединяли людей разного социального положения, сторонников разных политических взглядов. Гласными городских дум, членами и даже руководителями комитетов безопасности становились социалисты, включая большевиков. В ряде случаев отмечается совмещение в одних руках власти областного комиссара и председателя комитета безопасности. Внутри органов самоуправления появились выборные должности комиссаров, возглавивших отделы народного спокойствия и безопасности, общих дел, продовольственного, юридического, финансового и т.п. (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 46. Л. 19-26). Правительственный комиссар по делам Дальнего Востока прилагал немало сил к объединению деятельности всех структур в целях оптимизации управления краем. В решении экономических и внешнеполитических вопросов он учитывал мнение профессионалов царского времени, таких как начальник горного управления инженер В.В. Мурзаков, чиновник по дипломатической части М.П. Куренков, переселенческие чиновники Б.Н. Клепинин, М.С. Веденский и др. Для характеристики личности А.Н. Русанова, умеренного социалиста, важен его подход к деятельности Советов рабочих, крестьянских, солдатских депутатов. В конце июня 1917 г. он писал о назревшей потребности присутствия в комиссариате представителей краевой революционно-демократической организации (Далькрайисполкома) для координации действий «по наиболее важным принципиальным вопросам» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 16. Л. 98).

Осознавая кризисную ситуацию лета 1917 г., А.Н. Русанов считал своим долгом лично включиться в работу органов самоуправления. Он принял участие в выборах по новому положению в Хабаровскую городскую думу, а в августе, на 2-м съезде Советов Дальнего Востока, был избран членом Далькрайисполкома. 16-17 августа провел совещание областных комиссаров и представителей городских управ по выборам в Учредительное собрание, видимо, еще надеясь на изменение политической ситуации [10, с. 134].

Однако стремительность развития событий в стране и лавина региональных проблем, об-

рушившихся на комиссара, заметно уменьшили его позитивный настрой. Изменилось и отношение Временного правительства к должности комиссара. Из наблюдающего он стал отвечающим за все. Когда в июле А.Н. Русановым была получена телеграмма министра внутренних дел И.Г. Церетели с грозными обещаниями репрессивных мер за возможные беспорядки и анархию (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 398-399), он прямо заявил о непреодолимом желании избавиться от тягостного бремени, т.к. «изначально никаких функций по управлению не брал» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 348-349). Таким образом, комиссар сам ответил на поставленный в данной статье вопрос: реальной властью он не обладал, а пытался, опираясь на опыт прошлого и инициативу масс, создать аппарат управления и привлечь людей, способных в нем работать. Новая демократическая власть России должна была пройти через горнило практической работы, это была необходимая школа управления. Документы фонда убеждают в объективности утверждения современных историков о том, что классическая формула «двоевластия» не работает в политической жизни дальневосточного региона в 1917 г. [18, с. 136-137]. Реальными полномочиями обладали чрезвычайные органы власти переходного периода, созданные демократически настроенной общественностью [11, с. 384]. Задача представителя Временного правительства состояла в наблюдении и координации их деятельности.

В связи с этим нуждается в корректировке оценка деятельности комиссара Временного правительства как неэффективной и беспомощной. Бесспорно, что по документам одного фонда сложно высказать окончательное мнение, но они заставляют изменить сам подход. Во-первых, многочисленные поездки и выступления А.Н. Русанова не прошли даром. В регионе, где было сосредоточено большое количество вооруженных людей и бесправных трудящихся, кровопролитных выступлений и погромов не отмечено. Правительственный комиссар большое внимание уделял изданию и распространению пропагандистской литературы, информированию населения о действиях власти посредством газеты «Приамурские известия» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 165). Даже инкриминируемые ему аресты высших должностных лиц местной власти были не столько карательным средством, сколько защищали людей от возможной расправы (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 46. Л. 19-26).

Сын земского врача, А.Н. Русанов немало сделал для того, чтобы земские органы управления реально появились на Дальнем Востоке. Со времени работы в Государственной Думе он разделял убеждение членов Сибирской группы в том, что земство и самоуправление единственно обеспечивают правильную постановку и безостановочное развитие народного образования [18, с. 449]. Комиссар непосредственно занимался проведением в жизнь «земских» решений Временного правительства от 15 апреля, 21 мая и 17 июня 1917 г. Он все время торопил власть, подчеркивая, что население края жаждет введения земств путем закона (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). Роль Русанова в этом процессе была так заметна, что позволила С.И. Лазаревой назвать введение земства главной задачей комиссаров Временного правительства [16, с. 139]. Слаженную работу земства на Дальнем Востоке в 1917 г. наладить не удалось. Но, даже потерпев неудачу, А.Н. Русанов остался верен своим идеалам. В 1918-1919 гг. он продолжит службу в Приморской областной земской управе.

Одной из болевых точек в регионе было состояние рыбопромышленности, где при отсутствии стабильной власти остро проявился извечный конфликт интересов населения, казны и предпринимателей, включая иностранцев. Причем решение нужно было находить в кратчайшие сроки естественного хода рыбы. Русанов, опираясь на думский опыт работы, лично потратил массу времени на подготовку и проведение в мае в Николаевске на Амуре съезда рыболовов. Конечно же, разрешить конфликт не удалось, поскольку невозможно примирить непримиримое, но острота противоречий на какое-то время была снята. В отчете в министерство им было отмечено, что в рыбной промышленности «особенных осложнений в наступившем сезоне не предвидится» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 165).

Другим важным мероприятием, проведенным при непосредственном участии Русанова, был первый съезд учителей Дальневосточного края, прошедший 5-10 апреля 1917 г. в г. Хабаровске (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 8. Л. 21-21об. и др.). На нем были подняты существеннейшие вопросы общественной жизни страны и региона, намечены перспективы развития системы образования в будущем. Однозначно был решен острейший вопрос о секуляризации школы. Опять-таки, можно бросить упрек комиссару, что этот съезд, как впрочем и другие, не дал

ощутимых результатов, а был площадкой для дебатов. Но именно в этой «школе» вырастали практики государственного управления, воспитатели нового поколения.

Все направления деятельности комиссара требовали огромной отдачи и были непосильны для одного, даже очень работоспособного человека. Не удивительно, что были вопросы, на которые он не мог или не хотел найти ответа. Тем более, при неустойчивом общественном отношении к переменам, к новой власти, к вопросам будущего страны. Сохранилась записка членов Хабаровского биржевого комитета, направленная напрямую Председателю Совета министров, в которой утверждалось, что комиссар «не усваивает возложенных на него задач» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 33. Л. 96).

В событиях осени 1917 г. А.Н. Русанов сумел найти для себя приемлемое политическое решение. Совместно с Далькрайисполкомом он осудил выступление большевиков, как государственный переворот. При этом именно на него было возложено принятие решения об обнародовании полученных из центра телеграмм [14, с. 45-46]. Пока Русанов колебался, ждал «более точных» сведений, солдаты и рабочие на митингах открыто заявили об упразднении комиссаров и переходе власти к Советам. Отметим, что комиссар продолжал исполнять свои обязанности в регионе еще полтора месяца после падения власти Временного правительства.

Набиравшая в регионе силу партия большевиков наметила проведение в декабре 1917 г. 3-го съезда Советов с целью признания власти Совета народных комиссаров [15, с. 38]. В этой ситуации Русанов, верный идее соборности, и, возможно, долгу, решил созвать съезд земских и городских представителей. По его словам, побудили его на этот шаг «полная неосведомленность о том, что происходит в центре, отсутствие надежд на скорый созыв Учредительного собрания, ... серьезность внешнего политического положения Дальнего Востока» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 70). На деле, в ночь с 11 на 12 декабря, получилось собрать небольшое совещание, при 9 участниках [10, с. 157]. На призыв комиссара прибыли хабаровчане А.А. Скуратов и М.А. Тимофеев; Г.И. Иванченко, Н.С. Губонин, Н.Ф. Дьяченко из Имана; А.И. Рыслев и В.Н. Маньков из Амурской области; В.Г. Горшков и А.М. Краснощеков из Никольска-Уссурийского. Последний, познакомившись с составом участников и задачами совещания, его покинул. Единствен-

ным документом для обсуждения стало заявление правительственного комиссара о передаче власти Временному бюро земств и городов (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 54-55). Во главе бюро стал председатель Хабаровской городской думы эсер М.А. Тимофеев. По мнению Т.Я. Иконниковой, А.Н. Русанов осознанно выходил из игры [8, с. 322]. Хабаровский Совет в эту же ночь посадил комиссара и его помощника под домашний арест и предъявил обвинения. Избранные члены Временного бюро успели уехать в Благовещенск [15, с. 39].

Начавший работу 3-ий съезд Советов Дальнего Востока провозгласил власть Советов в регионе. В числе первых вопросов было отношение к власти Временного правительства и его дальневосточному комиссару. Однако ни съезд, ни созданная им комиссия не сочли возможным осудить А.Н. Русанова и В.В. Граженского как контрреволюционеров. Согласно сохранившемуся в фонде отрывку обвинительного документа, комиссару предъявили обвинения в покровительстве царским чиновникам, жандармам и контрразведке, в гонениях на социалистов, в своеволии и «насаждении» учителей и т.п. (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 53. Л. 21-21 об.). Однако доказательств, подтверждающих преступную деятельность комиссара и его помощника, не нашлось. Они были освобождены. А.Н. Русанов уехал во Владивосток, позднее, в 1921 г., эмигрировал в Шанхай. Всю свою жизнь оставаясь учителем, он продолжил на чужбине заниматься любимым делом, основав реальное училище. 13 июля 1936 г. Александр Николаевич Русанов умер вдали от родины [22, с. 222].

В.В. Граженский также продолжил политическую деятельность в Приморском областном земстве. 19 июня 1920 г. во время переговоров с интервентами он погиб на станции Иман вместе с большевиком П. Уткиным [1, с. 437-438].

Институт комиссаров Временного правительства был упразднен решением 2-го Всероссийского съезда Советов [20, с. 7]. Началась другая история страны, в которой были свои герои. Оценка действий многих из них в современности изменилась, зачастую несправедливо, на противоположную. Неизбежно так бывает, если оценивать жизнь незаурядного человека, следуя сиюминутным политическим установкам, создавать мифы, герои которых не живые люди, а лозунги. Так произошло и с комиссаром А.Н. Русановым, «неэффективным руководителем», «болтуном», «противником большевиков», «не умевшим схватывать хозяйственные

вопросы». Пытаться увидеть в нем харизматичного лидера, способного вывести всю страну из тупика, некорректно, ведь такого не нашлось во всем Временном правительстве. Через хоровод изученных документов проступил живой человек, умный, профессионально подготовленный, принципиальный, но готовый к компромиссу. Взяв на себя груз ответственности, он сумел выполнить то, что требовали время, совесть, власть. При этом, взявшись за новое и архисложное дело, учитель А.Н. Русанов больше потерял, чем приобрел. Но остался верен себе, долгу и смыслу жизни, как он их понимал.

«История запишет Ваше имя» – согласимся с этой фразой из обращения рабочих-железнодорожников к правительственному комиссару Русанову (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 53. Л. 1), в память о людях, в столь непростое время взваливших на себя бремя управления страной и сохранения спокойствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурилова М.Ф. Общество старого Хабаровска. Хабаровск, 2007.
2. Геласимова А.Н. Плечом к плечу. Записки учительницы. Хабаровск, 1958.
3. Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 59-78.
4. Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. Владивосток, 1999.
5. Ермакова Э.В. Революции 1917 года в дальневосточной историографии // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Материалы междунар. научн. конференции. Хабаровск, 1997. С. 115-118.
6. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
7. Жуков А.М. Дальневосточный Керенский // Тихоокеанская звезда. 1996. 9 октября.
8. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. Хабаровск, 1999.
9. Иконникова Т.Я. Учитель, депутат, комиссар, эмигрант... Заметки о А.Н. Русанове // Россия и АТР. 1998. № 2. С. 22-31.
10. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток, 2003.
11. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия. Южно-Сахалинск, 2008.

12. Кандыба В.И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока. 1858-1938. Владивосток, 1985.

13. Крушанов А.И. Победа советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1983.

14. Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1917-1922 гг. Хабаровск, 2005.

15. Куцый Г.С. Становление советской власти в Приморье. Владивосток, 1977.

16. Лазарева С.И. Роль и место А.Н. Русанова в общественно-политической жизни Дальнего Востока в начале XX в. // Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России. IV-е Гродековские чтения. Ч. 1. Хабаровск, 2004. С. 137-141.

17. Мастера кисти и резца. Хабаровск, 2000.

18. Ромас А.А. К проблеме двоевластия Февральской революции 1917 г. // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Материалы междунар. научн. конференции. Хабаровск, 1997. С. 136-137.

19. Сибирский ежегодник. Томск, [1914].

20. Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке. Владивосток, 1987.

21. Тригуб Г.Я. Буржуазно-демократические преобразования системы местного управления на Дальнем Востоке России в 1917 г. // Дальний Восток России в системе международных отношений в АТР: история, экономика, культура. Владивосток, 2006. С. 336-342.

22. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Владивосток, 2002.

REFERENCES

1. Burilova, M.F., 2007. Obshchestvo starogo Khabarovska [Society of the old Khabarovsk]. Khabarovsk. (in Russ.)
2. Gelasimova, A.N., 1958. Plechom k plechu. Zapiski uchitel'nitsy [Shoulder to shoulder. Notes of a teacher]. Khabarovsk. (in Russ.)
3. Gordeev, P.N., 2017. Komissariat Vremennogo pravitel'stva nad byvshim ministerstvom dvora [The commissariat of Provisional Government over the former Ministry of the Court], Rossiyskaya istoriya, no. 2, pp. 59-78. (in Russ.)
4. Dal'niy Vostok Rossii: iz istorii sistemy upravleniya. Dokumenty i materialy [Russian Far East: from the history of government system. Documents and materials]. Vladivostok, 1999. (in Russ.)

5. Ermakova, E.V., 1997. Revolyutsii 1917 goda v dal'nevostochnoy istoriografii [Revolution of 1917 in the Far Eastern historiography]. In: Evolyutsiya i revolyutsiya: opyt i uroki mirovoy i rossiyskoy istorii. Materialy mezhdunar. nauchn. konferentsii. Khabarovsk, pp. 115-118. (in Russ.)
6. Eroshkin, N.P., 1983. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moskva. (in Russ.)
7. Zhukov, A.M., 1996. Dal'nevostochnyy Kerenskiy [Far-Eastern Kerensky], Tikhookeanskaya zvezda, 9 oktyabrya. (in Russ.)
8. Ikonnikova, T.Ya., 1999. Dal'nevostochnyy tyl Rossii v gody pervoy mirovoy voyny [Russian Far East in the rear of the First World War]. Khabarovsk. (in Russ.)
9. Ikonnikova, T.Ya., 1998. Uchitel', deputat, komissar, emigrant... Zametki o A.N. Rusanove [Teacher, deputy, commissar, emigrant... Notes on A.N. Rusanov], Rossiya i ATR, no. 2, pp. 22-31. (in Russ.)
10. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1. Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 g. i grazhdanskoy voyny [History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1. Russian Far East during the Revolutions of 1917 and Civil war]. Vladivostok, 2003. (in Russ.)
11. Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov s drevneyshikh vremen do nachala XXI stoletiya [The history of Sakhalin and the Kuril Islands from ancient times to the beginning of the 21st century]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2008. (in Russ.)
12. Kandyba, V.I., 1985. Istoriya stanovleniya i razvitiya khudozhestvennoy zhizni Dal'nego Vostoka. 1858-1938 [The history of formation and development of the art life in the Russian Far East, 1858-1938]. Vladivostok. (in Russ.)
13. Krushanov, A.I., 1983. Pobeda sovetskoy vlasti na Dal'nem Vostoke i v Zabaykal'e [The victory of Soviet power in the Russian Far East and Transbaikalia]. Vladivostok. (in Russ.)
14. Kuz'min, V.L. and Tsipkin, Yu.N., 2005. Esery i men'sheviki na Dal'nem Vostoke Rossii v period grazhdanskoy voyny 1917-1922 gg. [The Socialist-Revolutionaries and Mensheviks in the Russian Far East during the Civil war, 1917-1922]. Khabarovsk. (in Russ.)
15. Kutsiy, G.S., 1977. Stanovlenie sovetskoy vlasti v Primor'e [The making of Soviet power in Primorye]. Vladivostok. (in Russ.)
16. Lazareva, S.I., 2000. Rol' i mesto A.N. Rusanova v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Dal'nego Vostoka v nachale XX v. [The role and place of A.N. Rusanov in the social and political life of the Russian Far East at the beginning of the XXth century.]. In: Priamur'e v istoriko-kul'turnom i estestvenno-nauchnom kontekste Rossii. IV-e Grodekovskie chteniya. Ch. 1. Khabarovsk, pp. 137-141. (in Russ.)
17. Mastera kisti i reztsa [Masters of a brush and chisel]. Khabarovsk, 2000. (in Russ.)
18. Romas, A.A., 1997. K probleme dvoevlastiya Fevral'skoy revolyutsii 1917 g. [Towards the problem of the dual power of the February Revolution of 1917]. In: Evolyutsiya i revolyutsiya: opyt i uroki mirovoy i rossiyskoy istorii. Materialy mezhdunar. nauchn. konferentsii. Khabarovsk, pp. 136-137. (in Russ.)
19. Sibirskiy ezhegodnik [Siberian yearbook]. Tomsk, [1914]. (in Russ.)
20. Sonin, V.V., 1987. Velikiy Oktyabr' i stanovlenie sovetskoy gosudarstvennosti na Dal'nem Vostoke [Great October and the making of Soviet statehood in the Russian Far East]. Vladivostok. (in Russ.)
21. Trigub, G.Ya., 2006. Burzhuazno-demokraticheskie preobrazovaniya sistemy mestnogo upravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii v 1917 g. [Bourgeois-democratic transformations of the system of local government in the Russian Far East in 1917]. In: Dal'niy Vostok Rossii v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v ATR: istoriya, ekonomika, kul'tura. Vladivostok, pp. 336-342. (in Russ.)
22. Khisamutdinov, A.A., 2002. Rossiyskaya emigratsiya v Kitae [Russian emigrants in China]. Vladivostok. (in Russ.)